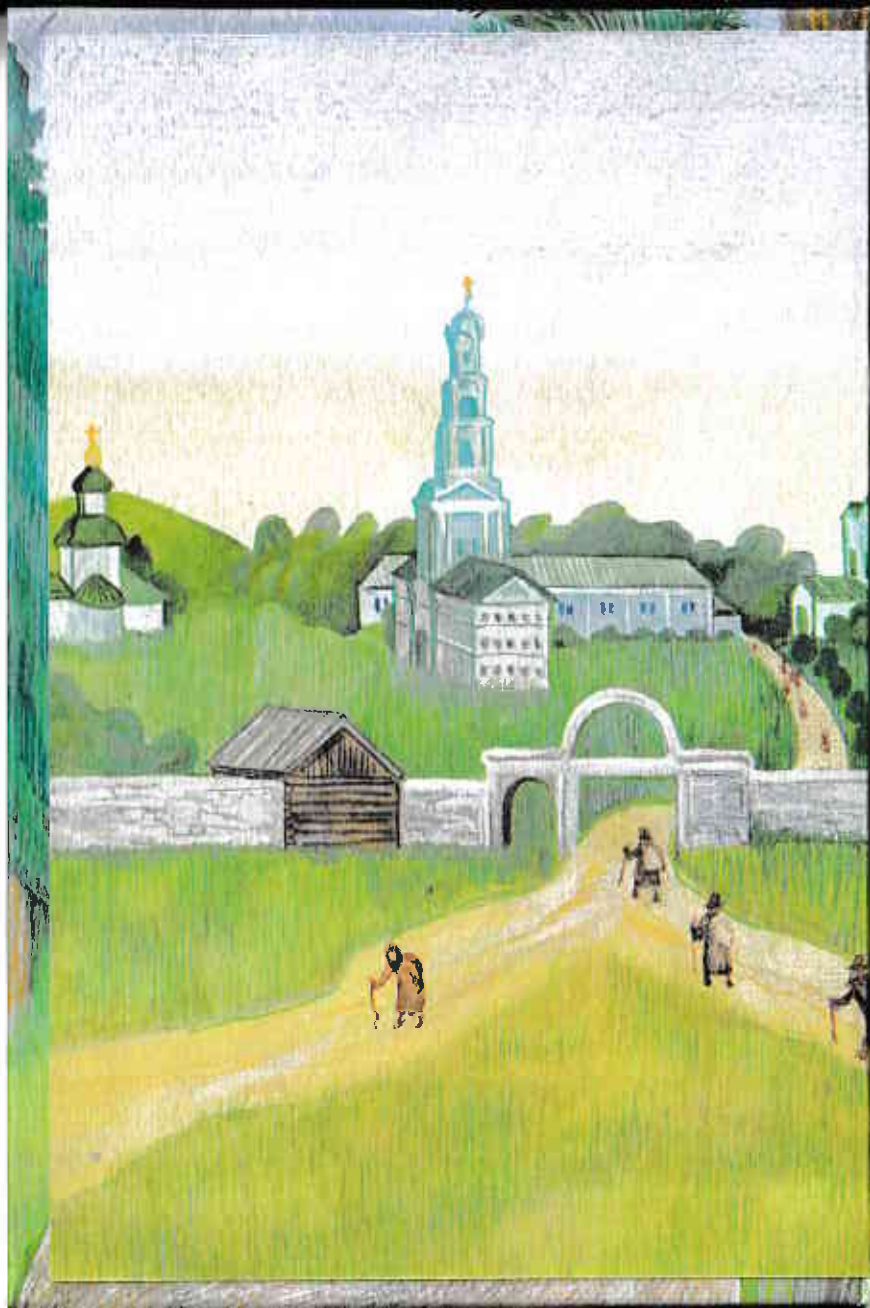

Житие
преподобного
Серафима
Саровского
в пересказе для детей

Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р 14-407-0744

Александр Ткаченко

Житие преподобного Серафима Саровского

в пересказе для детей

Иллюстрации
Юлии Героевой

Москва · «Никея» · 2017

Есть такое слово — великодушие. Если про человека говорят, что он великодушный, это всегда — похвала. Про плохого, злого, жадного человека так никогда не скажут. Но что это значит — великодушие? Это когда душа у человека такая большая, что в ней много любви и прощения для всех, даже для врагов. Ведь совсем нетрудно любить тех, кто любит нас. Но только великодушные люди могут с любовью относиться к своим обидчикам. Дело это непростое, душа такой большой сразу не станет. Но если ты хочешь стать великодушным, то можешь этому научиться. Как? Точно так же, как мы учимся любому делу. Сначала — наблюдаем, как делают другие, потом пробуем так же поступать сами. Вроде бы всё понятно.

Осталось только найти великодушных людей и посмотреть, как они живут. И лучше всего заглянуть в життя христианских святых. Ведь они жили по заповедям Христа. А Он как раз и учил прежде всего — великодушию и любви ко всем людям. Не к одним только хорошим и добрым, а вообще — ко всем. Даже к тем, кто нас обижает, кто вредничает, жадничает, дерётся и говорит нам гадости.

Тех, кто научился так любить, Церковь называет святыми. Вот они-то и есть — самые великодушные люди на свете. И уж если у кого-то учиться великодушию, то, конечно, — у них. Давайте попробуем понять — как душа человека становится такой большой, что может любить и жалеть даже своих врагов.

Солнечным летним днём семилетний мальчик Прохор и его мама поднимались на колокольню главного собора города Курска. Зачем они туда направились? И вообще — кто пустил на колокольню женщину с ребёнком?

Погодите немного, расскажем и об этом. Вот маленький Прохор шустро поднимается по крутой лестнице вверх. Пока мама одолела первый пролёт, мальчик уже стоит на самой звоннице — площадке, где закреплены колокола. Ох, как же здорово смотреть сверху на свой город! Улицы отсюда — тоненькие, как верёвочки. И ползут по ним неспешно лошади, запряжённые в телеги. Лошадь большая, в два мальчишеских роста. А с колокольни — не больше обыкновенной мыши. Ну а люди так и вовсе — словно букашки

8 маленькие — бредут по делам, смотрят себе под ноги, чтоб случайно не вступить в лужу. И ничего-то они не видят, кроме грязной мостовой, луж да заборов. А с колокольни, сверху, видно всё-всё! И городской рынок, и купола церквей, и старый дуб возле гостиного двора, и даже реку Сейм. Плывут по её спокойной воде ладьи — паруса белые, ветром надуты туго, того и гляди — улетят. Ещё дальше — степь,

9 до самого горизонта. А совсем рядом мимо лица чёрными молниями летают ласточки. Видно, у них где-то здесь, на колокольне, гнёзда. Вот и беспокоятся, заметив Прохора, — что это за незванный гость пожаловал сюда, в их птичье царство.

А вон и мальчишки, друзья-приятели, стоят внизу у колокольни, запрокинули головы и что-то кричат. Только не разобрать отсюда ни слова — очень уж далеко до земли, ветер уносит голоса, шумит листвой на верхушках деревьев. Перегнулся Прохор через перила звонницы, чтобы лучше расслышать, и... камнем полетел к земле. Народ внизу так и ахнул! Несчастливая мать только и увидела в проём колокольни, как мелькнула красная

рубашка сына. Едва ли не быстрее, чем он падал, сбежала она вниз по лестнице и одно лишь твердила: «Господи, помоги! Господи, помилуй моего мальчика!» Но разве можно уцелеть тому, кто упал с такой высоты? Ох... лучше не думать, лучше не думать об этом... Господи, помоги!

11

Словно птица, вылетела мать из дверей колокольни и бросилась туда, где уже толпился народ. Растолкала всех, мигом пробралась в центр толпы, где боялась увидеть бездыханное тело любимого сына. А там... сидел на вытоптанной траве живёхонький Прохор и с удивлением рассматривал себя, людей вокруг, траву, небо. Будто не мог понять — как же он здесь очутился, когда ещё мгновение назад был там, наверху.

Мать, боясь поверить своим глазам, кинулась на колени, стала его ощупывать:

— Прошенька, сынок, цел ли ты? Где болит, говори, не молчи!

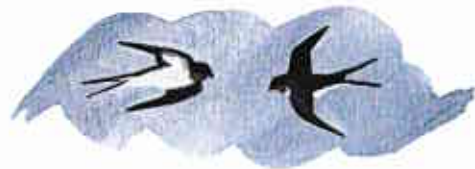
Сидит Прохор на травке, целый, невредимый, ни синяка на нём нет,

ни царапины. Как будто не с колокольни он только что упал, а сонный в избе с печи свалился. Смотрит народ на это чудо и не знает, что сказать. Наконец, дедушка Игнат, церковный сторож, пожевал губами, причмокнул и говорит:

— Не иначе, Агафья, твоего сына Сам Господь для какого-то большого дела бережёт. Смотри, теперь ты не просто себе опору растишь на старость. Божий это мальчик, и жить ему не так, как всем нам.

Ну а теперь, пожалуй, самое время рассказать — что же делали Прохор и его мама на колокольне в тот день.

14 **Б**ыл в Курске богатый купец — Исидор Мошнин. Занимался он строительством — нанимал людей, покупал материалы и строил большие каменные здания. Человеком был добрым, благочестивым, ни копейки чужой за свою жизнь не присвоил, всегда честно платил работникам и работу сдавал в срок. И вот взялся он строить в Курске собор в честь святого Сергия Радонежского по проекту знаменитого итальянского архитектора Растрелли — того самого, что построил Зимний дворец в Санкт-Петербурге.

Строить Исидор Мошнин начал, да только закончить не смог: скончался благочестивый купец, когда в храме только нижний этаж перекрыли. И пришлось все его дела брать на себя

вдове — Агафье Мошниной. Теперь ей нужно было договариваться с рабочими, покупать кирпич, лес, железо для кровли и ещё многое другое делать для строительства храма. Уже четыре года, как с Божией помощью она управлялась со всеми этими неженскими делами. И вот пришла Агафья посмотреть, как идут дела на строящейся колокольне собора. И взяла с собой семилетнего сына — Прохора. Ну а дальше... Дальше вы уже знаете!

15

Шло время. Прохор подрос и стал помогать старшему брату в купеческих торговых делах. У брата в Курске была продуктовая лавка, и Прохор трудился там — отвешивал покупателям сахар, муку, наливал из бочки золотистое подсолнечное масло, заворачивал в бумагу вкусную жирную селёдку. Но не к торговле, не к купеческой прибыли лежала душа у молодого продавца. В свободную минуту, когда в лавке не было покупателей, Прохор садился на мешок с мукой и читал Евангелие. А вечером, закрыв лавку на замок, со всех ног спешил в храм, чтобы успеть к вечерней службе. По утрам же вставал раньше всех и шёл к утрени и ранней литургии, чтобы успеть помолиться до начала рабочего дня.

Умная мать его всё примечала и душевно радовалась, что её сын так близок к Господу. Редкое счастье выпало и Прохору — такая мать и воспитательница, которая не мешала, но способствовала его желанию выбрать себе духовную жизнь. Поэтому когда в семнадцать лет он решил оставить мир и уйти в монастырь, она не стала ему перечить. Трогательно было его прощание с матерью! Они посидели немного — по русскому обычаю. Потом Прохор встал, помолился Богу, поклонился матери в ноги и спросил её родительского благословения. Агафья дала ему приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери и благословила его медным крестом. Взяв с собою этот крест, он до конца жизни носил его всегда открыто на груди.

И отправился Прохор в монастырь, чтобы стать монахом. Он выбрал Саровскую пустынь, где уже подвизалось несколько курских жителей. Настоятель отец Пахомий тоже был родом из Курска и хорошо знал родителей Прохора. Он благосклонно принял юношу, желавшего вступить на путь монашеской жизни.

Но стать монахом, оказывается, не так-то просто. Сначала Прохора определили на послушание в пекарню. Там пекли хлеб для монастырской трапезной, и Прохор делал всё, что ему велели, — месил тесто, носил воду из колодца, колол дрова. А после из раскалённой печи доставал румяные караваи душистого хлеба и раскладывал их остывать на чистых полотенцах, расстеленных на столе.

Работа эта была нелёгкая, вставать приходилось ещё затемно. А ведь нужно было ещё и все молитвенные правила прочитать и к богослужению успеть. Но Прохор ловко управлялся со всеми делами — так, что монастырское начальство только диву давалось.

Потом его перевели послушником в столярную мастерскую. За короткое время Прохор научился работать

пилой да рубанком лучше всех. Из послушников лишь его одного в монастырском расписании называли столяром — Прохор-столяр. Никакой работы он не боялся, хотя и был из купеческого рода. И хлеб пёк, и в столярне трудился, и лес сплавлял по реке. Но душа его, как и прежде, лежала к молитве, к размышлению о Боге, к чтению духовных книг. С разрешения настоятеля он сделал себе в лесу шалаш и в свободные часы уходил туда, чтобы в одиночестве помолиться. Как он говорил потом, созерцание дивной природы возвышало его дух к Богу.

В 1780 году Прохор тяжело заболел, и всё тело его распухло. Ни один врач не мог определить — что это за болезнь. Недуг длился в продолжение трёх лет, почти всё время Прохор был в постели. Наконец, стали опасаться за его жизнь, и настоятель отец Пахомий сказал, что нужно везти больного в лечебницу. Тогда смиренный Прохор позволил себе сказать игумену:

— Я надеюсь на исцеление от Бога и заступничество Богородицы. Не нужно везти меня в больницу, а лучше распорядитесь, чтобы меня исповедовали и причастили Святых Христовых Таин.

В скором времени после исповеди и причастия Прохор выздоровел, что весьма удивило всех. Никто не

понимал, как мог он столь скоро поправиться, и только впоследствии он открыл эту тайну некоторым: после причащения ему явилась Пресвятая Дева Мария в несказанном свете, с апостолами Иоанном Богословом и Петром и, указывая перстом на Прохора, сказала:

— Этот Нашего рода!

— Правую-то ручку, радость моя, — рассказывал он, — положила мне на голову, а в левой-то ручке держала жезл; и этим-то жезлом, радость моя, и коснулась меня, убогого. Тут болезнь моя и пошла на убыль.

Много душевной пользы принесла Прохору эта болезнь: дух его окреп в вере, любви и надежде на Бога.

Спустя восемь лет после прихода в монастырь, Прохора наконец

24 постригли в монахи и дали ему новое имя — Серафим, что означает — «пламенный». Все ночи на воскресные и праздничные дни проводил в бодрствовании и молитве, неподвижно стоя до самой литургии. По окончании же каждой Божественной службы, оставаясь ещё надолго в храме и выполняя обязанности иеродиакона, он приводил в порядок утварь

и заботился о чистоте алтаря Господня. Господь, видя ревность и усердие к подвигам, даровал Серафиму силу и крепость, так что он не чувствовал утомления, не нуждался в отдыхе, часто забывал о пище и питье и, ложась спать, жалел, что человек не может непрерывно служить Богу, подобно Ангелам.

Спустя ещё семь лет монастырского жития его рукоположили в иеромонахи. Но к этому времени Серафим понял, что душа его требует ещё большего подвига. И с разрешения настоятеля он ушёл жить в маленький ветхий домик-пустыньку, стоявший вдали от монастыря, в глубине глухого леса.

Проводя жизнь в уединении, трудах, чтении и молитве, Серафим

26 соединял с этим пост и строжайшее воздержание. Он носил постоянно одну и ту же убогую одежду: белый полотняный балахон, кожаные рукавицы, кожаные бахилы — вроде чулок, поверх которых надевал лапти, и поношенную камилавку — монашескую шапочку. Поверх балахона висел медный крест, тот самый, которым благословила его родная мать, отпуская из дома; а за плечами висела сумка, в которой он всегда носил при себе Святое Евангелие. Он читал его каждый день, хотя давно уже выучил наизусть. Но, как говорил он сам, Священное Писание — для души такая же пища, как хлеб для тела. Поэтому нужно каждый день насыщать им свою душу, читая хотя бы одну главу из Евангелия.

Поначалу он питался чёрствым и сухим хлебом, который брал с собою по воскресеньям в монастыре на целую неделю. Из этой недельной порции хлеба часть уделял он животным и птицам, которые были приласканы старцем, очень любили его и посещали место его молитвословия. Также

27

он выращивал своими руками овощи. Для того и устроил старец огород, чтобы ему не обременять никого, и питаться лишь тем, что сам вырастил. Впоследствии он приучил своё тело к такому воздержанию, что вообще перестал есть хлеб и по благословию настоятеля питался одними овощами своего огорода, да ещё травой, называемой сныть. В течение же первой недели Великого поста он вовсе не принимал пищи до Причащения Святых Таин в субботу. Наконец воздержание и постничество Серафима дошли до невероятной степени: он совсем перестал брать хлеб из обители и жил без всякого содержания от неё более трёх с половиною лет. Братия, удивляясь, недоумевала, чем мог питаться старец

30 во всё это время, не только летом, но и зимою. Он же тщательно укрывал свои подвиги от людей.

Но вот однажды в тихую пустынную жизнь Серафима нагрянула беда. Трое разбойников, прослышав, что в лесу живёт одинокий монах, решили его ограбить. Они пришли к Серафиму, когда тот рубил дрова. Разбойники выскочили из кустов и закричали:

— А ну давай сюда деньги, что тебе приносят люди!

— Я ни от кого ничего не беру, — тихо ответил Серафим.

Но злодеи не поверили. Тут один из них, подкравшись сзади, попытался свалить его на землю, но вместо того сам упал. От этой неловкости своего товарища горе-разбойники смутились:

они вдруг поняли, что перед ними — 31 сильный мужчина, да ещё с топором в руках. Если бы Серафим захотел, он бы тут же один легко справился со всеми тремя грабителями. Эта мысль мелькнула и в его уме. Но он вспомнил слова Иисуса Христа: «Взявшие меч от меча и погибнут». И не стал сопротивляться. Спокойно опустил Серафим на землю топор и сказал:

— Делайте, что вам надобно.

Он решился претерпеть всё безвинно, Бога ради.

Тогда один из разбойников, поднявши с земли топор, обухом ударил его по голове. Старец упал на землю. Злодеи потащили его к пустыньке, по дороге яростно продолжая бить обухом топора, дубинами, кулаками и ногами.

А когда увидели, что Серафим не двигается, словно мёртвый, то связали и бросили его в сених. А сами побежали в келью, думая найти там несметные богатства. В убогом жилище они разломали печь, разобрали пол... Но так ничего и не нашли у Серафима, кроме простенькой иконы. Тут разбойники поняли, что избили благочестивого человека, угодника Божия. Им стало очень страшно, и они убежали, оставив связанного Серафима умирать в сених.

33

Но тому, кого Господь ещё в детстве спас от неминуемой гибели при падении с колокольни, не суждено было погибнуть и от рук злодеев. Придя в себя после жестоких побоев, Серафим кое-как развязал верёвки и...

стал молиться о том, чтобы Бог простил избивших его злодеев! Проведя ночь в страданиях, на следующее утро он с трудом добрался до монастыря.

Вид его был столь ужасен, что монахи не могли на него смотреть без слёз: у старца были сломаны рёбра, проломлена голова, по всему телу были глубокие раны, к тому же Серафим потерял очень много крови. Восемь долгих дней лежал он неподвижно, не принимая ни воды, ни пищи и страдая от нестерпимой боли.

Настоятель, видя такое бедственное положение Серафима, пригласил к нему лучших врачей. Но когда те стояли над его постелью и думали, как его лечить, Серафим вдруг погрузился в лёгкий сон и увидел дивное виде-

ние: подходит к нему с правой стороны постели Пресвятая Богородица. За Нею — апостолы Пётр и Иоанн Богослов. Остановившись у постели, Пресвятая Дева перстом правой руки показала на больного и, повернувшись к врачам, произнесла:

— Что вы трудитесь? Этот — от рода Нашего.

Придя в себя, больной, при отчаянном состоянии здоровья своего, к удивлению всех, отвечал, что он не желает помощи от людей, прося отца настоятеля предоставить его жизнь Богу и Пресвятой Богородице. Делать нечего, оставили старца в покое, уважая его терпение и удивляясь силе и крепости веры. Он же от дивного посещения исполнился неизреченной

36 радости, и эта небесная радость продолжалась часа четыре. Потом старец успокоился, вошёл в обыкновенное состояние, почувствовав облегчение от боли. Сила и крепость стали возвращаться к нему. Он встал с постели, начал немного ходить по келье и вечером, в девятом часу, подкрепился пищею, вкусил немного хлеба и квашеной капусты. С того же дня он опять стал предаваться духовным подвигам. После избиения Серафим прожил в монастыре пять месяцев. А когда достаточно окреп, то снова вернулся в свою лесную пустыньку.

Ещё в прежнее время Серафим рубил дерево в лесу и был придавлен им. От этого он потерял свою природную стройность, сделался согбенным.

После нападения разбойников от побоев, ран и болезни согбенность ещё больше увеличилась, и он ходил, всегда опираясь на топорик, мотыгу или палку. Таким его потом и стали изображать на иконах.

37

Тут и пришла пора рассказать, на что способна большая душа человека, любящего Бога и ближнего. Как раз к той поре, когда Серафим выздоровел, его обидчиков нашли и отдали под суд. Ими оказались трое крестьян из ближайшей деревни. На суде они стояли понурые, совсем не такие лихие и смелые, как тогда в лесу.

— Что скажете делать с ними? Какое наказание хотели бы для них? — спросил судья.

Серафим, опершись на палочку, посмотрел на людей, которые его искалечили и едва не убили. Потом посмотрел на судью и сказал:

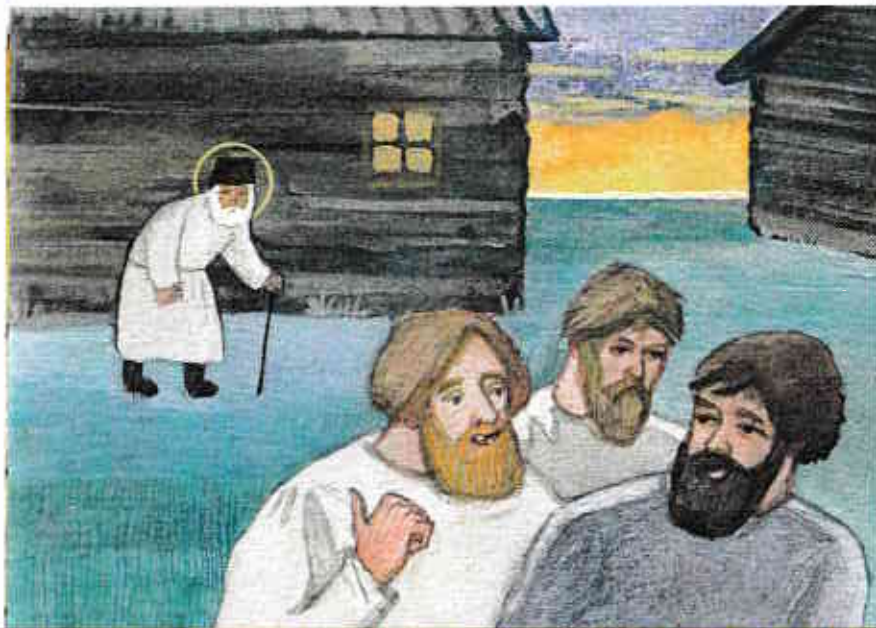
— Я хочу, чтобы их не наказывали.

— Как же так? — растерялся судья. — Ведь они причинили вам столь-

ко страданий! Я так не могу, я обязательно должен их наказать.

— Я своё слово сказал, — твёрдо произнёс Серафим. — Немедленно отпустите их по домам. А если не делаете этого, я уйду из здешних мест и никогда больше сюда не вернусь.

Что было делать судье? Пришлось освободить негодяев. Растерянные,

40 не веря своему счастью, они прошмыгнули мимо Серафима, даже не поблагодарив его за подаренную свободу, не попросив прощения за всё зло, которое причинили они ему без всякой его вины. Шли домой и радовались:

— Вот глупый какой монах! Хорошо, что мы избили его, а не какого-нибудь умника, который бы нас упрятал на много лет в тюрьму. Повезло нам, что и говорить!

Но Бог наказал злодеев. Через некоторое время ночью над их деревней разразилась жуткая гроза. Гром грохотал как тысяча пушек, молнии сверкали, словно огненные стрелы. От удара молнии в деревне сгорели в ту грозовую ночь три избы. Угадайте, чьи дома это были? Да, именно их — злодеев,

избивших Серафима и радовавшихся, что они так легко отделались. Вот тут-то и стало им по-настоящему страшно. Поняли они, что легче было бы оказаться под судом человеческим, чем — под Божиим. Собрались они на следующий день и побрели в лес, к Серафимовой пустыньке. Пришли и упали ему в ноги — прости нас, батюшка, дураков неразумных. А Серафим

41

42 посмотрел на них, подошёл, погладил по голове каждого. И сказал:

— Бог вас простит. Живите честно и не обижайте больше никого, чтоб не случилось с вами ещё худшего.

После шестнадцатилетнего подвига отшельничества Серафим навсегда ушёл из своей лесной пустыньки

и вернулся в монастырь. Вся обстанов- 43
ка его кельи состояла из небольшого
пня, иконы и некрашеного гроба, ко-
торый Серафим сам выстругал, чтобы
всегда помнить о своём смертном дне.

Имя Серафима Саровского в эти
годы уже было известно по всей Рос-
сии, и к нему устремлялись паломники,

44 ищущие совета, утешения или исцеления. На глазах у всех совершались чудеса: Серафим исцелял больных, помазав их маслом из лампы, которая горела перед иконой Божией Матери «Умиление» в его келье.

Почти за два года до смерти Серафима к нему в последний раз явилась Богородица. Она сказала Серафиму:

— Скоро будешь с нами...

Монахи зашли в келью святого 2 января 1883 года и увидели его стоящим на коленях перед аналоем. Лицо его было спокойно, будто он спал. Инокки пытались разбудить Серафима, но... преподобный уснул вечным сном.

45 Вот так прожил свою жизнь этот великодушный человек. Он не совершил подвигов на войне, не сделал великих научных открытий, не оставил после себя выдающихся произведений искусства. Но каждый русский человек знает — кто такой Серафим Саровский. Потому что преподобный Серафим показал такую любовь к ближнему, которой хватило бы на целый мир. Возможно ли научиться такому великодушию? Любой путь начинается с первого шага. Попробуй для начала простить своему товарищу какую-нибудь обиду. Наверно, это будет не так просто, и сразу простить его не получится. И вот тогда — помолись о нём, как преподобный Серафим молился о своих обидчиках. От такой молитвы душа

46 человека становится большой, в ней тут же появляется место для человека, о котором ты молишься. И чем больше будет в твоей жизни прощения и любви ко всем людям, тем великодушней будешь ты сам.

УДК 276
ББК 84(Рос=Рус)6+86.372
Т 48

Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС Р 14-407-0744

*Литературно-художественное издание
Для детей среднего школьного возраста*

Ткаченко Александр Борисович
Житие преподобного Серафима Саровского
в пересказе для детей

Редактор *Татьяна Стрыгина*
Дизайнер *Антон Героев*
Верстка *Юлии Героевой*
Корректор *Елена Степанова*

ООО ТД «Никся»
Юридический адрес:
127055, Москва, Угловой пер., д. 2, пом. 1, ком. 1
www.nikeabooks.ru
Издательский отдел:
тел.: 8 (495) 600-35-10; editor@nikeabooks.ru
Для оптовых покупок:
тел.: 8 (499) 110-17-68, 8 (499) 110-15-71; sales@nikeabooks.ru

Подп. в печ. 02.06.2017. Формат 70×100 $\frac{1}{32}$ Гарн. CaslonC.
Печ. офс. Бум. офс. Печ. л. 1,5. Тираж 4000 экз. Заказ № 1709920.

ISBN 978-5-91761-765-7

© ООО ТД «Никся», 2017

© Издательский дом «Никся», 2014

arvato Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
BERTELSMANN в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97